и тяжелой опухоли глаза ползло что-то мутное и желтое, какъ гной изъ прорвавшагося нарыва. Отъ этого стало всѣмъ страшно, и страшно было блѣдное, дергающееся мелкой и частой судорогой лицо, ставшее новымъ и непохожимъ на то, которое всѣ давно и хорошо знали.

— Ударился обо что, видно...

— Ударился! Это его подпоручикъ... нагайкой, я видалъ! угрюмо бросилъ плотный, черноусый драгунъ.

Въ заднихъ рядахъ загудѣли смутно и сдержанно.

Барабановъ поднялъ голову и въ упоръ посмотрѣлъ на черноусаго солдата свѣтлыми, выпученными глазами.

— Нну-у-у?! предостерегающе строго протянулъ онъ.

Солдатъ потупился и попятился назадъ.

Осташевъ двинулся и сѣлъ на землю; но никто не сталъ его удерживать, а всѣ отступили и смотрѣли со страхомъ и жуткимъ любопытствомъ. Медленнымъ и безсильнымъ движенiемъ Осташевъ закрылъ лицо руками и вдругъ заплакалъ—безпомощно и горько, трясясь отъ рыданiй и силясь что-то сказать. Но слезы мѣшали ему, клокотали въ горлѣ и быстрыми, мерцающими подъ фонаремъ каплями сыпались сквозь пальцы, падали на утоптанный, бѣлый снѣгъ, прожигая его, и уходили глубоко, къ землѣ...

Кругомъ безмолвной и сѣрой стѣной стояли солдаты съ мокрыми отъ тающаго снѣга лицами, и трепетный свѣтъ фонаря, озаряя ихъ, клалъ на нихъ черныя, рѣзкiя тѣни. Отъ этого глаза блестѣли свѣтлыми огоньками и лица казались худѣе и тоньше, и на нихъ появилось странное, скользящее выраженiе глубокой и загадочной мысли.

На дворѣ уже начало таять... Стало теплѣе и вѣтеръ сдѣлался тоже теплымъ и сырымъ, и въ немъ не было мертваго холода и тонкихъ звенящихъ нотъ насмѣшливой злобы, а было что-то могучее и большое, какъ весна. Изъ-подъ бѣлаго, чистаго снѣга черными змѣями пробивалась уже талая вода и съ живымъ, радостнымъ журчанiемъ, говорящимъ о веселой веснѣ и яркомъ солнцѣ, бѣжала по скатамъ, подтачивая бѣлый, рыхлый снѣгъ и замерзшую, спящую землю. И часто сквозь этотъ немолчный говоръ первыхъ вѣстниковъ разбуженнаго тепла слышалось какъ что-то съ шорохомъ рушится и осѣдаетъ, звенятъ веселыя капли и медленно, но упорно убываетъ холодный снѣгъ.

Сжавъ ладонями лицо, скорчившись такъ, что колѣни острымъ угломъ поднялись къ подбородку, Осташевъ вмѣстѣ съ безсильными, дѣтскими всхлипыванiями твердилъ одни и тѣ же, великiя по заложенному въ нихъ смыслу, слова, казавшiяся теперь пустыми и незначущими звуками:

— Не хочу, не хочу, не хочу...

И нельзя было понять, чего онъ не хочетъ: того ли, чтобъ его заставляли рубить и убивать, или не хочетъ безплодно, какъ пойманная птица, биться въ опутавшей его огромной и крѣпкой сѣти, или не хочетъ жить...

Викт. В. Муйжель.

ЦѢЛЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

(Окончанiе).

Но если этотъ соцiальный опытъ — опытъ организацiи новаго, соцiалистическаго общества—неизбѣженъ, потому что народъ въ свое время потребуетъ и осуществитъ его,—то имѣетъ ли онъ шансы на успѣхъ или заранѣе осужденъ на неудачу? Будетъ ли онъ началомъ новой эры въ существованiи человѣчества или только новымъ, горькимъ разочарованiемъ?

Кто на словахъ признаетъ осуществимость соцiалистическаго общества, а въ глубинѣ души считаетъ соцiализмъ химерой, не осуществимой ни теперь, ни послѣ, никогда,—тотъ не затруднится рѣшить этотъ вопросъ въ отрицательную сторону.

Но съ точки зрѣнiя того, кто считаетъ соцiалистическую организацiю возможной, осуществимой и неизбѣжной,—нельзя указать неодолимыхъ препятствiй къ ея немедленному осуществленiю.

Самое серьезное возраженiе формулируется такъ: данный типъ экономическихъ отношенiй долженъ совершить полный циклъ своего развитiя, дойти до конца, до своего крайняго и послѣдняго выраженiя, изжить самого себя—и только тогда онъ можетъ смѣниться новымъ.

Не говоря уже о совершенной произвольности и фантастичности понятiй, лежащихъ въ основѣ этого представленiя,—соотвѣтствуетъ ли оно исторической дѣйствительности? Возьмемъ новое политическое общество. Мы видимъ, что въ Англiи оно организуется уже въ XIII столѣтiи, когда старый феодальный режимъ еще оставался въ полной силѣ. Разъ организовавшись, ядро этого новаго политическаго общества оказывается сильнѣе, прочнѣе, живучѣе стараго,—оно шагъ за шагомъ разрушаетъ его, поглощаетъ и ассимилируетъ его распадающiяся ткани и органы.

Во Францiи, наоборотъ, старый порядокъ изжилъ себя уже ко времени Людовика XIV, и тѣмъ не менѣе существовалъ еще сотню лѣтъ, пока, наконецъ, организовалось новое политическое общество.

Новый порядокъ, какъ видно изъ этого примѣра, можетъ организоваться гораздо раньше и гораздо позже того момента, когда старый „изжилъ себя до конца“.